

ДЕВОЧКА, ХОЧЕШЬ СНИМАТЬСЯ В КИНО?

«ЛЕНФИЛЬМ»

Сценарий Ю. Яковлева
Постановка А. Бергункера
Гл. оператор О. Куховаренко
Гл. художник И. Вускович
Композитор В. Кладницкий

ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ

«БУДАПЕШТ», ВЕНГРИЯ

Сценарий и постановка З. Фабри
Оператор Д. Иллеш
Художники Т. Вайер, Ф. Кеменеш
Композитор Д. Вукан

Владич НЕДЕЛИН

СЮЖЕТ ИЗ НЕБОЛЬШОГО РАССКАЗА

⊕ В этом фильме совершенно по-новому, крупно и драматично раскрылось дарование Михаила Голубовича (Бирюк). Хорошо запоминаются Олег Табаков (Берсенов), Юрий Дубровин (мужик-порубщик). Очень интересна у Алексея Зайцева коротенькая и бессловесная роль второго мужика. Я подробно не разбираю работы актеров в дальнейшем лишь из-за очевидности их удач.

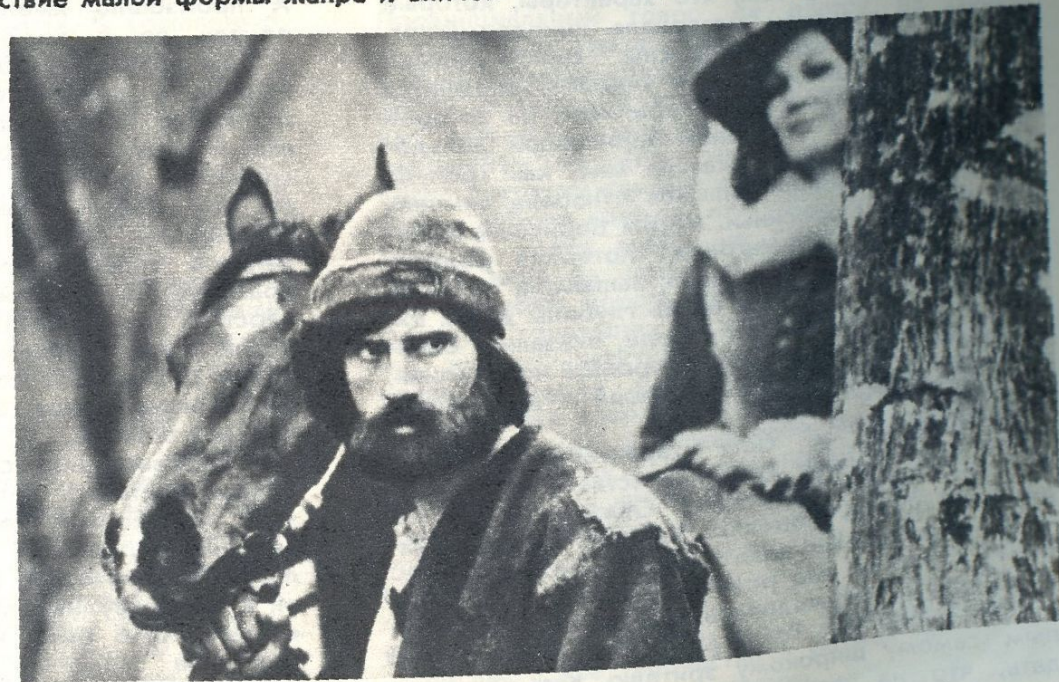
Остановлюсь на том, как из тургеневского рассказа «Бирюк» вырастает сюжет и не совсем обычная стилистика одноименного фильма, поставленного на киностудии имени А. П. Довженко режиссером Романом Балаяном по сценарию, написанному им совместно с актером Иваном Миколайчуком, и снятого оператором Виленом Калютой.

Вопросы — вечные спутники всех экранизаций классики, задающиеся, как правило, тем запальчивей, чем хрестоматийней первоисточник: с какой, например, стати Бирюк в фильме гибнет? — в рассказе такого нет. К чему этот странный и вроде бы ни с того ни с сего танец его дочери? Откуда взято, что лес, на страже которого так богатырствует и люгует

Бирюк, уже продан господами на сруб?..

Экранизацию осложняет еще и глубоко скрытое в рассказе несоответствие малой формы жанра и эпичес-

кой крупности темы. При чтении это лишь смутно угадывается. Но высвобожденный из-под магического воздействия тургеневского слова, взятый с книжных страниц на экран, пер-

Фома по прозвищу Бирюк (М. Голубович)

сонаж тут же выдает свою эпическую крупноплановость. Мастерски полное и лаконичное переложение рассказа на язык кино в начале картины привело к тому, что законченный сюжет стал восприниматься как экспозиция, пролог. Эпизодическая замкнутость рассказа как бы сама собой разомкнулась. И едва уточнившись на экране, Бирюк с его неумной бойцовской силой начинает казаться нам знакомым героем, которого мы наверняка уже не раз видели где-то...

Так что же тогда бескорыстнейшая беспощадность (сам-то, фактически полный и бесконтрольный хозяин лесных угодий живет в бедности крайней), самоотверженность Фомы на страже барского леса? Во всяком случае, преданностью господам, взвинченной до «рабского героизма», их не объяснишь. Чем же? В рассказе есть одна наводящая подробность: то сверхчутье леса у Фомы, рядом с которым оказывается глухим, слепым и беспомощным даже бывалый охотник, исключительный знаток лесной жизни Берсенева, доказывает, что Фома не просто лесник. Он сам лесная диковина, свой, кровный всем этим чащобам, дебрям, падам, буреломам, их родня и единоведец. И лес как бы освобождает его из крепостного состояния — воля! Пока в лесу, он, Бирюк, не раб, не бесприютен, как ни жалка его осиротевшая постель уходящей жены избенка; не нищ, как ни убого его хозяйство.

И лес на экране живет интенсивной жизнью. Он то отзывчив и приветлив, то глухо неприступен, угрю-

мо своеволен, страшен и беззащитен. И все время интересен. Здесь нет и в помине «красивых видов», эффектных «пейзажей с настроением». Общий облик леса в фильме скорей всего шишкинский. Это не паломничество на поклон к старине, не стилизаторские заимствования, а результат движения к изображению природы от суриковской характеристики персонажа.

Эпизоды же, в которых непосредственно решается тема «человек и природа», делаются в фильме как бы на два ряда. Первый — с крупным уклоном в бытовизм. Второй, главный, — в психологию.

Бирюк, расчищающий и по-хозяйски выхаживающий лес, мастерски ловящий рыбу, споро строящий укрытие для муравейника... Все эти эпизоды филигранно разработаны сценаристами, интересно поставлены и сняты. Но сами сюжетные ритмы игрового фильма в них заметно гложут, возникает некоторая иллюстративность. Убедительность игры Голубовича здесь ограничена выполнением задачи на чисто физическое действие. Эти кадры, безусловно, важны. Но слишком отдаленной оказывается их связь с эпизодами второго ряда, самыми значительными в фильме.

...Дочь Бирюка, Улита (Лена Хроль), заблудилась в грозу. Обессилевшая, продрогшая, она забилась под какую-то корягу и зовет, зовет, зовет отца. А он ищет ее по лесу, трубит в рог, напряженно вслушивается: не откликнется ли? Слово это совсем не тот Бирюк, что в эпизоде поимки порубщика. Изменил ли ему его

сверхобостренный слух? Нет. Здесь обнаруживается другое: изменилось что-то в нем самом — из-за своего лесного язычества и отлудья он уже не слышит, не умеет утешать плач своего ребенка с той же чуткостью, с какой чувствует лес. А ведь он любит ее...

За помощью для Улиты Бирюк инстинктивно двинулся к людям, в деревню. Но только выбежав на опушку, стал как вкопанный. Слово на невидимую стену налетел. Лицо угрюмо-каменное... Тоска, безнадежность, страх: нельзя, люди. И сколько бы ролей великолепно ни сыграл еще Михаил Голубович, не зная, удастся ли ему еще поразить зрителя с такой, говоря тургеневскими словами, «неотразимой силой». Тяжелый, по-волчьи исподлобья, одичало непримиримый взгляд — и прочь, подальше от светящихся изб, от самого запаха человеческого жилья, словно последнее прощание с людьми. И после этого эпизода смотришь на Бирюка уже другими глазами: да, все еще твердыня, изумительный образец богатырской породы, но уже конченный человек. Так пантеизм насыщается человеческой драмой.

В рассказе гибель Фомы отчетливо предвидится и сознательно подготовлена, она вопрос только времени. В фильме же становится необходимостью из-за хорошо услышанной сценаристами в «Записках охотника» еще одной подсказки Тургенева.

В «Бежином луге»: «...в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры». Ну, управились мужички с Акимом,

на том бы и сказке конец... А людям добрым на месте его погибели все стоны какие-то слышатся, но иначе «его душа жалобится». Услышишь — «так сам бы и заплакал...» Послышится ли хоть кому-нибудь, где загинул Бирюк, как и его «душа жалобится»? Захочется ли кому-нибудь (кроме Улиты, разумеется) заплакать в ответ?..

Взвешивая гибель такого человека, чтобы лучше и до конца понять его уже напоследок, иной раз особенно полезно припомнить его в какую-то минуту веселья, попытаться поймать памятью хоть один солнечный зайчик, скользнувший по угрюмой жизни. В данном случае эпизод с танцем Улиты. Безусловно, лучший в фильме.

Гибнет Бирюк не в лихой схватке с браконьерами. Шальная пуля стрелка, мимоходом пальнувшего и промазавшего по птице, угодит ненароком в спящего Фому — и нить, протянувшаяся было к нему от несчастного Акима-лесника, обрывается. Жаждавшие добраться до Фомы мужики, которых жизнь от хлопот избавила, увидели бы, конечно, в такой кончине перст судьбы, справедливую кару. Но радость их была бы преждевременной: господским лесом им не пользоваться — продан на сруб.

Картина, сделанная Романом Балаяном, яркая и необычная. Он не стремился к открытию «нового» Тургенева — автор «Записок охотника» в этом, наверное, не нуждается... Но в его фильме сказано некое свое слово в освоении нашим экраном тургеневских богатств.